

Немцов Игорь
Яковлевич

моральный климат коллектива

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ?

В ПЕРВЫЙ же день стало ясно, что, несмотря на дюжину подписей, это письмо — вульгарная анонимка.

И все тайные хищения в особо крупных размерах и прочие страсти-мордасти оказались плодом воспаленной фантазии неизвестного автора или авторов. Скорее повинуюсь профессиональной привычке, а не логике, я продолжал все-таки искать одну из «жертв» тирании, властвующей в Ивановской филармонии: Игоря Яковлевича Немцова, бывшего администратора.

Так бывает. Обиженный человек, страдая «мести» за критику, зарывает реальный факт в ворох небылиц, надеясь, что проверяющий все-таки докопается до этого факта. Как ни оценивай такие действия, а проверяй, копейся! Поступая в общем-то трусливо и непорядочно, сам аноним рассчитывает именно на чужую порядочность и скрупулезность в работе...

«Впервые за долгие годы мы обрели честного, принципиального администратора, И. Я. Немцова. Но и он был выпрыгнут на улицу!»

«Вполне возможно, это и есть реальный факт, загроможденный разными сплетнями и нелепостями», — думал я, разыскивая Немцова.

Но «жертва» словно дематериализовалась. Исчез бывший администратор.

В КАБИНЕТЕ начальника областного управления культуры В. В. Пестова — три человека, привлеченных к проверке фактов, изложенных в анонимке. Мы сознательно ограничили их круг, чтобы не бросить зерна недоверия друг к другу в коллективе филармонии. Проверка — бухгалтерская в буквальном смысле этого слова. Куда? Кто? Когда? Выезжал, возил, сопровождал...

— Ну, а случай с Немцовым?

— Какой такой случай? Никакого случая не было. Он был вынужден уйти по собственному желанию. Работал плохо. Хамил. Занимался неблагоприятными делами. Хотели даже на местном заслушать.

Что ж, довольно ясно, без тени сомнений сказано все это. Но ведь за простотой и словесной ясностью — судьба человека, каким бы ни был он сам... Да и срок работы — несколько десятков дней — настораживал. Летун? Человек с неуживчивым характером?

...От анонимки, как айсберги, откалывались глыбы неусветной лжи и уплывали из кабинета В. В. Пестова в небытие. Ни одна строка анонимки не подтвердилась. А вот с Немцовым было что-то неладно. Он был реален, этот бывший администратор, — единственно реальная фигура и факт на фоне сплошной фантазии.

В здоровом коллективе анонимок не встретишь. Как правило, ей сопутствует ржавчина, разъедающая коллектив. Понять автора означало понять и многое другое.

«Немцов Игорь Яковлевич. 1948 г. рождения. Образование — неок. высшее. До 1969 г. учился. Затем — администратор на «Мосфильме». С 1972 г. — по снабжению». Подпись. Число.

Это... автобиография, составленная при приеме на работу. Обладая завидной чертой — краткостью изложения, — автор обладает и еще одной примечательной особенностью. Скрытностью. Анкета не заполнена. Данные трудовой книжки и вехи автобиографии расходятся полностью. Кстати, печать организации, выдавшей трудовую — точнее дубликат, вольно или невольно размыта. То ли на кировском, то ли на кемеровском заводе работал каменщик третьего разряда Немцов?

Так или иначе, а, проработав инструктором противопожарной охраны на одном из ивановских текстильных предприятий ровно 23 дня, Немцов подает заявление в филармонию. Как и почему он, москвич, оказывается в Иванове, бывшего директора И. Т. Швецова не интересуют.

«Зачислитель!» — таков приказ Ивана Тихоновича.

— Собственно говоря, почему вы интересуетесь Немцовым? Он убил или ограбил кого-то?

— Нет, Иван Тихонович. Просто я ищу его, чтобы понять — что это за человек?

— Деловой, но недисциплинированный. Увольнял не я.

И все. Сославшись на занятость, И. Т. Швецов распрощался с нами.

А действительно: что заставляет меня искать Игоря Яковлевича? Этот вопрос я задавал и самому себе. Анонимка не подтвердилась. Анонимщик не найден. Время командировки истекло. Ну, ушел из благополучной филармонии администратор. Ну, не ужил. Что с того?

Но не давали покоя элементарные арифметические подсчеты: Немцову — тридцать пять, реально подтверждаемый рабочий стаж — чуть более трех лет! На что он жил? Как кормил семью?

Е. П. Иванов, художественный руководитель филармонии: «Поначалу я симпатизировал Игорю. Потом — слухи. Мол, грубит, на работу ходит, когда захочет. А еще позже — заявление шофера Серова в местком... Крепко обидел его Немцов. Короче говоря, заявление об уходе он написал не без нашего коллективного воздействия...»

В. В. Пестов, начальник управления культуры: «Когда Немцов ушел из филар-

монии, то просил нас устроить его на такую же должность в театр музыкальной комедии. Воздержались».

ПОВТОРЮСЬ: в здоровом коллективе анонимок не встретишь. Напрашивается вывод — что-то неблагополучно, стало быть, в филармонии?..

Воздержимся пока от каких бы то ни было выводов. Обозначим еще несколько фактов. Пытаясь отыскать Немцова, получить хоть какую-то его характеристику, я с удивлением обнаружил, что в Ивановской филармонии нет: а) директора; б) и. о. директора; в) секретаря партийной организации.

Это тема другого разговора — по каким причинам филармония оказалась «обезглавлена». Достаточно того, что это факт текущего дня. Он имеет прямое отношение и к анонимке, и к судьбе Немцова.

Артист Н.: «По-моему, уход Игоря Немцова — случайность. До него никому не было дела. Вот и все. У нас нет руководства. Но случайность эта в принципе запрограммирована. Дело в том, что коллектив филармонии разобщен. Нет костяка, способного строго контролировать, оздоравливать «внутрисемейные» наши отношения. Казалось бы, все у нас тихо и мирно. Но в этой тишине динамизируют не очень-то безобидные процессы. Хромает дисциплина. И прежде всего административная. Немцов ничего не делал в последний месяц своей работы. Он просто бездельничал. И все ему сходило с рук. Сначала попустительствовал директор, а после ухода директора Немцов и вовсе плюнул на работу...»

Артистка Ю.: «Игорь, несмотря на юность, человек — несостоявшийся. Причем не без спо-

собностей человек. Как я понимаю, судьба поводила его по множеству закоулков. Филармония давала ему шанс обрести себя. Но кто пытался помочь парню? Никто. Как ни печально, по филармониям и театрам кочует много таких людей. Среди них и откровенные жулики. По-моему, этот институт нуждается в особой опеке».

Два этих откровения схожи в своей грусти — ведь речь идет о несостоявшейся судьбе. Конечно, все гораздо сложнее — за два-три месяца человеку трудно стать иным... А за плечами Немцова много фальши и обмана. Звоню по адресам, указанным в его анкете.

— Это архив «Мосфильма»?

— Да.

— Трудился ли администратором Игорь Яковлевич Немцов?

— Нет.

— Это главный администратор Московского театра кукол?

— Да.

— Вы рекомендовали такого-то на должность администратора там-то?

— Нет. Он просто воспользовался моим именем. Когда я узнал об этом, то счел своим долгом предупредить директора...

Элементарная, грошовая ложь Немцова. А за ней ложь покрупнее: ведь человек получал за ничегонеделание деньги, пусть и небольшие. Слабая дисциплина позволила ему использовать филармонию как кормушку.

Да, все гораздо сложнее. Было бы абсолютно неверно обвинять ивановцев в том, что они с легкой душой распрощались с Немцовым. Дело в другом: не метается в поисках себя, своего места на земле человек. Человек, «не лишенный способностей» и энергии. Так уж случилось, что к тридцати пяти у него

ни профессии, ни дома, ни умения работать. В смысле работы он, выражаясь словами одного из героев пьесы Коломийца «Дикий Ангел», «вообще калека». Не приучен.

И вот влетает такой человек-мотылек в благополучный сравнительно творческий коллектив. И он лишится тут. Как на улице. Или в проходном дворе. Месяц-другой парень валяет дурака, а окружающие снисходительно-раздраженно поглядывают и проходят мимо. Уволился — полетел дальше мотылек. Месяц ли, год ли не будет он снова работать?

И. Т. Швецов, бывший директор: «Меня перевели в Театр музыкальной комедии. Здоровье подвело. Немцов просился ко мне. Я отказал. Почему? Дошли слухи, что бездельничает... Да и вообще...»

Увы, как это ни парадоксально, единственный кто хоть как-то «пожалел» Немцова — это анонимный клезулик... Этот крайне противоречивый фактик просто ошеломляет. Как бы там ни было, Немцов — живой человек среди живых людей.

Попытаемся кое-что подтожить. Во-первых, предвижу вопрос читателя: «Какая связь между грязной анонимкой и судьбой Немцова?» По-моему, связь достаточно крепкая. Очень печально, но это так: имя неудачного администратора выплыло не само по себе, а на гребне анонимки. Стало быть, не будь анонимки, до судьбы Немцова и дела нет? Выходит — так... Случайный человек, случайная ошибка администрации. Но вот ведь в чем дело: бездельничал Игорь Яковлевич, а вся фаза его ничегонеделания пришлась на то время, когда везде и всюду обсуждались материалы ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, поставившего вопрос о дисциплине и борьбе с бездельниками во главе

угла! Между тем трудовая книжка Немцова все еще валяется в сейфе филармонии — а стало быть, не бездельничает ли он и до сих пор?

— Я не могу контролировать Игоря Владимировича, он не ребенок, да и уволен! — одна точка зрения.

— Опекать бездельника?! — вторая.

— Его лень и делячество на совести у него самого! — третья.

Буквально все, кто хоть как-то мог повлиять на судьбу человека, отрешиваются от этих хлопот. Может быть, винить их нельзя. Бездельником Немцов стал раньше, чем попал в Иваново. Но от этого не легче. Поскольку тут прибавили к облику Игоря Яковлевича еще один мотыльковый штрих.

Да, помогать или не помогать — дело совести одного человека. Но речь о целом коллективе... Как же так получилось, что сейчас всем ведают один лишь худрук? Без директора филармонии или его зама, без помощи партийной организации Е. П. Иванов во многих делах просто не успевает разобраться. Где уж тут до судьбы Немцова?

— Я так рад, что анонимка не подтвердилась! — Евгений Павлович сказал это искренне и радостно.

Понимая эту его радость, я никак не мог отделаться от чувства тревоги. Действительно: это прекрасно, что анонимка не подтвердилась. Но судьба Немцова не перестала от этого быть судьбой-драмой, судьбой человека «без определенных занятий»... И как бы ни был благополучен коллектив, он оказался не в силах изменить судьбу человека, пусть и на короткий час вошедшего в него. Беспомощность эта сродни безразличию. А что может быть страшнее?

А. ЧЕРНЕНКО,
наш спец. корр.

ИВАНОВО.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

8 ФЕВ 1983